

МАРКСИЗМ КАК РАННИЙ АНАЛОГ КОНЦЕПЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ
(ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ НЕЗАПАДНЫХ СТРАН)

**Статья опубликована в журнале
Гуманитарный вектор, 2010, № 1(21), с. 152–162**

Постановка проблемы

Следует заранее оговорить условия, при которых мы можем рассматривать марксизм в качестве «раннего аналога концепции модернизации» [8, с. 193; 15, с. 475; 21]. По мнению некоторых авторов, основанием для этого служит то обстоятельство, что в одном из вариантов «Капитала» Маркс подчеркнул различие между обществами «личной» и «вещной» зависимости [11, с. 100 – 101]. Под последним понимается капиталистическое общество, начиная с ранних этапов его развития. Иначе говоря, проблема модернизации в трактовке Маркса – это проблема генезиса капитализма.

Мы склонны смотреть на эту проблему несколько шире. Будучи историком и теоретиком капитализма, Маркс не мог не сказать о причинах его возникновения и факторах развития, а как философ он должен был вписать их в свою социофилософскую систему. И как таковая, как вариант философской интерпретации проблемы общественного развития на этапе становления современного автору капиталистического общества, она интересует нас в данной работе. Однако в эту же систему включена еще одна, на первый взгляд, неотделимая от нее, идея, ставившая задачу ликвидации капитализма и замены его на другой общественный тип. Речь идет о теории классово-борьбы и учении о коммунизме. Именно это обстоятельство – отрицание капитализма как будущего устройства общества, его критика, а также то, что последователи Маркса попытались на основании этого учения осуществить «некапиталистическую» модель развития и добились некоторых результатов индустриализации и решения социальных проблем, – вызывает противодействие попыткам рассмотрения марксизма в качестве раннего аналога концепции модернизации. Это логично – концепция модернизации либеральна, отстаивает в своем классическом варианте необходимость рынка, частной собственности и экономических свобод, и рассматривать в ее рамках марксизм, ставивший своей задачей ликвидацию этого общества, по меньшей мере, некорректно. Мы неоднократно встречались с такого рода доводами, но считаем их необоснованными. Не говоря уже о том, что две концепции родственны (обе основываются на «виговской» историографии, и та, и другая отталкиваются от идеи прогресса и линейной концепции мировой истории), обе они ставят задачу не только изменения реальности, но и познания. И именно как теория познания, как попытка объяснения эволюции общества, нас интересует здесь марксизм. Но в равной степени мы уделим внимание той его части, которая отрицает капитализм как форму общественного развития.

Две тенденции социальной философии марксизма

Типологизация социальной философии марксизма с точки зрения проблемы причин и факторов модернизационного процесса вызывает некоторые затруднения. Здесь прослеживаются две тенденции, которые можно обозначить как технолого-экономический детерминизм и социально-экономический детерминизм.

Первая выражена довольно четко и однозначно в одной лишь фразе Маркса о том, что «ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» [12, с. 133]. В основе общественных изменений лежат изменения в способе производства, а способ производства зависит от уровня развития производительных сил [12, с. 133]. Рост производительных сил, включающих в себя человека и его средства труда, обусловлен ростом человеческих потребностей, причем здесь уже Маркс не удовлетворяется таким объяснением, которое свело бы развитие к простому росту, а указывает на механизм саморазвития: каждая удовлетворенная потребность порождает новую, более того, само производство, как в узком, так и в широком смысле, порождает новые потребности [14, с. 27 – 28]. Каждому уровню развития производительных сил соответствует определенный тип общественных отношений, вместе они образуют «базис» – социально-

экономическую основу общества на определенном этапе его исторического развития. Такой этап называется «общественно-экономической формацией»; нас в данном случае интересует капиталистическая формация.

Таким образом, проблема модернизации в марксовом понимании – это проблема возникновения капитализма именно как общественно-экономической формации, и здесь Маркс вновь не ограничивается названным им механизмом развития производительных сил, а указывает на новое противоречие, теперь уже на уровне социально-экономических отношений, т.е. таких общественных отношений, которые складываются на основе экономической деятельности людей. Речь идет о диалектике производительных сил и производственных отношений, и можно говорить о второй тенденции – тенденции социально-экономического детерминизма.

Тенденция технолого-экономического детерминизма

Относительно первой тенденции необходимо сделать следующие замечания. Мы исходим из того, что в реальной истории наблюдаются изменения социально-экономических отношений, приводящие к важнейшим сдвигам в общественном развитии без существенного влияния технологического фактора. Таковым, например, является разделение труда, лежащее в основе качественной общественной трансформации, называемой «модернизацией», или «развитием капитализма». Сам Маркс, безусловно, уделял большое внимание этому явлению, называя его «одной из главных сил предшествующей истории» [14, с. 46]. Однако в своей модели общественного развития он не отделял разделение труда от развития средств труда, т.е. не мыслил его как самостоятельный процесс – «за каждым крупным изобретением в области механики следует усиление разделения труда, а всякое усиление разделения труда ведет, в свою очередь, к новым изобретениям в механике» [12, с. 156]. При этом Маркс довольно жестко критикует Прудона за его попытку абстрагирования разделения труда, на наш взгляд, весьма правомерную, поскольку это и есть стремление осмыслить самостоятельную сущность явления. Здесь, как и во многих других фрагментах, сказалась политическая тенденциозность Маркса. Цель работы «Нищета философии» – по преимуществу политическая. Это критика «мелкобуржуазного социализма» Прудона как умеренного крыла социалистического движения. Поставив разделение труда впереди частной собственности и капитализма (для этого и нужно «разделение труда» как абстракция), Прудон делает выводы о возможности гуманизации капитализма за счет смягчения его противоречий. Для радикального, революционного социализма Маркса это неприемлемо, потому и нельзя увидеть в разделении труда самостоятельную сущность, ведущую к росту производительных сил [12, с. 148].

Полагаем, что разделение труда представляет собой относительно самостоятельный процесс, идущий параллельно с совершенствованием орудий труда. Как «первое общественное разделение труда» (отделение скотоводства от земледелия), так и «второе», и «третье» (выделение ремесла, торговли и промышленности) не сопряжены с какими-либо революционными сдвигами в развитии орудий труда, но их последствия для качественного состояния общественной системы действительно революционны. Сказанное отнюдь не означает, что эти изменения (разделение труда в его различных формах) не связаны с изменениями в техническом состоянии средств труда. Это значит только, что они не выводимы из последнего как из единственной причины. Иначе говоря, налицо два процесса – технологический и социально-экономический – представляющие собой два относительно самостоятельных пути роста производительных сил общества. В росте производительных сил общества и состоит их сущность, как взятых вместе, так и по отдельности.

Наиболее ярким примером служит возникновение мануфактурного производства. Разумеется, появление мануфактур предполагает некоторые технические достижения, однако сама мануфактура не означает еще мануфактурной экономики, и выход общества на эту определенно высокую ступень технологического развития не приводит к автоматическому и безусловному становлению мануфактурного капитализма, на что красноречиво указывает история стран Востока. Ведь мануфактура, несмотря на технические достижения, остается все тем же ручным трудом, отличающимся от ремесла лишь степенью его разделенности. И только за счет этой разделенности труд становится несравнимо более эффективным, а мануфактура как форма организации производства – настолько более функцио-

нальной, что в кратчайшие сроки трансформирует всю общественную систему не только европейских стран, но и стран Востока – через трансформацию системы колониальной эксплуатации.

Что же касается феномена стран Востока – речь идет о спорадическом и, безусловно, автохтонном возникновении там мануфактур к началу Нового времени, а возможно, и раньше, – то с позиций технологического детерминизма марксизма или индустриализма, не допускающих предположения об относительно самостоятельном социально-экономическом движении общества, его не объяснить. Почему достижение этого технического уровня развития не привело к становлению мануфактурного производства как господствующего, а мануфактуры так и остались вплоть до XIX века «спорадическим» явлением, не отражающим общий уровень социально-экономического развития? [4, с. 21 – 22]. Сказанное относится и к России XVII – XVIII веков: мануфактуры и здесь не определяют уровня социально-экономического развития страны в целом, редки, да и вообще не являются капиталистическими предприятиями в буквальном смысле¹.

Это касается и других фактов истории стран Востока – техническая, изобретательская мысль здесь была не менее эффективной, речь идет об изобретении фарфора, бумаги, пороха, компаса, производстве шелка и других достижениях, что отмечается в древней и средневековой истории Китая. Можно говорить об арабской математике и мореплавании, о египетской медицине, о проектах И. Ползунова, который подошел к изобретению парового двигателя, как минимум, не позднее Д. Уатта, но это не обеспечило России более раннего промышленного переворота. Между тем, с позиций технологического детерминизма, в том числе марксистского, это неминуемо должно было произойти².

Но все эти технологические явления на Востоке несколько не повлияли на социально-экономические процессы, экономический способ производства («азиатский» или «восточно-феодальный» – неважно) оставался без изменений. Единственно возможным объяснением мы видим отсутствие потребности качественной общественной трансформации как необходимости, вытекающей из взаимодействия природы и общества, т.е. такого взаимодействия, которое при постоянном и неуклонном росте человеческих потребностей детерминирует экономический поиск по двум направлениям.

За данными посылами следует вывод о неизбежности пересмотра марксистской модели как социально-экономического варианта теории модернизации. Ведь «социально-экономические процессы» – это не что иное, как изменения «производственных отношений» Маркса, противопоставленных «производительным силам», и в этом противопоставлении (в их противоречии) заключается диалектический механизм – механизм саморазвития общества. Из вышеуказанных рассуждений следует вывод о необходимости включения производственных отношений в сферу производительных сил общества. В категорию «производительные силы» войдут не только люди и средства труда, но и отношения:

а) между людьми и природой в процессе производства (технологическо-экономические отношения);

б) между людьми по поводу производства, обмена, потребления и распределения продукта (социально-экономические отношения).

Иначе говоря, капитализм с его уровнем разделения труда и специализации, частной собственностью, классами, рыночной ориентацией производства, личной свободой и экономическим принуждением как форма общественных отношений, как тип взаимодействия участников производства является таким же фактором производства, как люди и средства труда. Только при таком подходе будет до конца осмыслена причина колоссального экономического превосходства капитализма перед всеми другими типами общественного устройства, которая не сводима только лишь к превосходству техническому.

Следующее замечание также относится к части общественной реальности, обозначенной Марксом как «производительные силы». Полагаем, помимо расширения этого понятия за счет включения в него производственных отношений, в его содержание необходимо включить и природу, разумеется, не всю, а ту ее часть, которая находится в сфере непосредственного экономического влияния человека. Этот тезис не является открытием для всей

¹ Наиболее близкая оценка см.: [5, с. 160; 6, с. 115 – 116].

² Пример постановки технических факторов впереди социально-экономических с опорой на Маркса см.: [19]

экономической теории XX века, в отношении Маркса тем не менее очень важен. В адрес марксизма вполне справедлив упрек в недостаточном внимании к природно-климатическому и географическому факторам общественного развития. Следует признать, в состав производительных сил общества, по Марксу, входят т.н. «предметы труда». Однако раскрытие содержания этого понятия как того, «на что направлен труд» [10, с. 189], предполагает только сырье, причем в каком-то «оторванном» от природы состоянии, что не означает достаточного учета всего комплекса географических и природно-климатических условий. Замечание Маркса, что слишком расточительная природа «ведет человека, как ребенка, на помочах» и «не делает его собственное развитие естественной необходимостью» [10, с. 522], представляется верным по сути, однако необходимо вписать его в общую философскую систему.

Очевидно, что Маркса интересует природа лишь в качестве естественной основы разделения труда и как основа получения прибавочного продукта; неслучайно этот тезис проводится в главе «Абсолютная и относительная прибавочная стоимость» «Капитала». На наш взгляд, прибавочный продукт не является причиной общественной трансформации, он – лишь ее необходимое условие. Причина кроется, если пользоваться терминологией самого Маркса, в «необходимом» продукте. Здесь важнее увидеть, что следствием постоянного стремления найти механизмы саморазвития общества стал вывод о том, что социальное детерминируется только социальным. Маркс, на наш взгляд, настолько увлекся диалектикой, что в данном случае полностью отделил общество от природы, и это несмотря на провозглашенную как принцип естественнонаучную методологию его учения.

Позднее к этой проблеме вернется Ф. Энгельс и поставит вопрос об обществе как относительно самостоятельном образовании [20, с. 38]. Но здесь необходимо отметить отличие в постановке вопроса. Если у Энгельса речь идет о том, что в каждой более высокой форме движения материи присутствуют формы движения всех низших, хотя и в подчиненном виде, то в контексте проблемы модернизации и поиска ее причин и факторов необходимо говорить об их взаимовлиянии. Конкретно – о влиянии природной среды на скорость и необходимость протекания социальных процессов.

Представляется очевидной необходимость включения природы в производительные силы общества, тем более что экономическая теория давно это делает, квалифицируя природу как один из важнейших «факторов производства». Существуют такие попытки и в социально-философских исследованиях последнего времени [2, с. 30]. Для обозначения этой части природы можно использовать понятие «очеловеченная природа», применяемое самим Марксом и разработанное позднее в современной отечественной литературе [13; 7]. Однако нас интересует не вся очеловеченная природа, а та ее часть, которая, во-первых, используется в качестве основы экономической деятельности (сырье и ресурсы), во-вторых, влияет на эту деятельность (географические и природно-климатические условия). Поэтому в контексте проблемы модернизации считаем необходимым использовать это понятие, уточнив его до «экономически очеловеченной природы».

Включением экономически очеловеченной природы в сферу производительных сил, на наш взгляд, устраняется отрыв общества от природы, и оно перестает пониматься как некогда, на определенном этапе естественной эволюции, выросшее из нее, а дальше развивающееся по своим собственным законам. Мы склонны согласиться скорее с теорией постоянного «вырастания», становления общества из природы, притом что природа продолжает в значительной мере определять это развитие своими законами и влиянием через сферу экономической деятельности общества. Однако это отнюдь не отменяет наличие и специфически социальных законов и факторов общественного развития, равно как неэкономического присутствия естественного в социальном [17]. Более того, понимание очеловеченной природы как сферы взаимопроникновения природы и общества, при котором она является высшей формой бытия природы и низшим – технологическим – уровнем общественной жизни [7, с. 50], открывает широкие перспективы для исследования модернизации, если понимать ее как этап «вырастания» общества из природы. Здесь же очевидно, что такое понимание вполне сопрягается с экономическим подходом к обществу. Ведь такие составляющие общества, как социальные отношения в узком смысле, политика, право, культура не вступают в непосредственное взаимодействие с природой. Мостом для их соединения в единую

систему взаимоотношений служат со стороны общества – экономическая деятельность человека, со стороны природы – экономически очеловеченная природа.

***Тенденция социально-экономического детерминизма:
учение о собственности и теория классовой борьбы***

Полагаем, выводы о самодетерминации социально-экономических процессов не являются таким уж большим откровением, в том числе для Маркса. Однако его социально-экономический детерминизм пошел в принципиально ином направлении – в направлении теории классовой борьбы. Данная тенденция предполагает серьезную и обстоятельную критику самой идеи классового антагонизма и сопряжена с важной задачей теоретического обоснования необходимости и возможности отделения социально-философской системы марксизма от этой ее политизированной и наиболее компрометирующей составляющей. Мы не претендуем на полное выполнение этой задачи в данной работе, продемонстрируем лишь, какие основания для этого имеются.

В центре теории классовой борьбы стоит идея антагонизма классов. Первые шаги к обоснованию этой идеи Маркс делает уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», и на примере данной работы видно, как блестящая, восходящая к Гегелю философская мысль – об отчуждении труда как родового человеческого признака – приобретает социально разрушительный заряд [13]. О причинах этого – о социально-экономической и политической ситуации 40-50-х годов XIX века в Европе, а тем более в Германии, о том, что Маркс был «чрезмерно практичен и прикован к проблемам своего времени», чтобы стать «чистым философом» [16, с. 270], о личных психических качествах самого Маркса [1] – написано достаточно, чтобы оценить теорию классовой борьбы как нечто наносное и исторически преходящее, не вытекающее с необходимостью из социально-философской системы марксизма³.

Доводы Маркса в пользу идеи антагонизма классов можно разделить на эмпирические и теоретические.

Эмпирические опираются на данные современных Марксу политэкономии и статистики и указывают на безысходное положение рабочих в этот период. Полагаем, мы не вправе требовать от Маркса выхода за пределы своей эпохи, подобно тому, как это делает Б. Рассел. Маркс не мог предусмотреть, даже если речь идет только о политэкономии, увеличения стоимости рабочей силы, а значит, дальнейшего развития капитализма до такого уровня удовлетворения человеческих потребностей, что противоречие «труд – капитал» будет смягчено до возможности сотрудничества буржуазии и пролетариата. Поэтому данные доводы можно отвергнуть как основанные на неизбежной для Маркса исторической ограниченности эмпирического материала.

Иначе обстоит дело с теоретическими доводами, и здесь оценка Б. Рассела представляется правомерной.

Прежде всего, следует помнить, что подобно всем социалистам своего времени, а особенно под влиянием французского социализма, Маркс моделирует социально справедливое общество, делая это, однако, на основе материализма и сциентизма, и, разумеется, критически относится к обществу своего времени. Полагаем, что из политических, прежде всего, а не философских убеждений следует разрушительный и социально опасный заряд его учения.

Вырабатывая это учение, Маркс формулирует мысль о труде как реализации человеческой сущности, его родовой черты – сознания. Эта мысль, в высшей степени гуманистическая и нравственная, представляется очевидным достоинством философии марксизма и является отправной точкой и узловым моментом нашего понимания проблемы модернизации. Однако Маркс, соединив ее с идеей классового антагонизма, разделяет труд на свободный, человеческий, являющийся реализацией человеком его человеческой сущности, и несвободный, отчужденный, труд как «деятельность для заработка» [13, с. 54]. С этого момента

---

³ Мы намеренно говорим именно о социально-философской системе марксизма, чтобы не провоцировать дискуссию о самобытности собственно философии марксизма. Известно, что ряд исследователей склонны отрицать марксизм как философскую систему. По их мнению, Маркс и Энгельс лишь синтезировали все материалистическое философское наследие. Что же касается социально-философского учения, оно, безусловно, самобытно.

только этот «второй» труд и будет предметом его истории, политэкономии, социальной философии. Насколько неправомерны такое разделение и такое абстрагирование труда по необходимости от труда свободного мы попытаемся показать ниже, здесь же следует констатировать, что Маркс впервые формулирует проблему отчуждения через призму политэкономии и указывает на ее социально-экономическую причину.

Этой причиной является частная собственность на средства производства, «благодаря» которой происходит отчуждение человека от:

- труда, включая его средства, продукты и сам процесс [13, с. 90];
- своей человеческой сущности, следовательно, от себя как человека [13, с. 91].

Доказательства антагонизма классов в данной работе кажутся исчерпывающими, единственный вывод, который только и может следовать за ними – это необходимость ликвидации частной собственности, тем более, что для этого наступил исторический момент. Частная собственность сыграла свою историческую роль, создала огромные производительные силы, далее удовлетворение человеческих потребностей может осуществляться за счет свободного труда, и общество в состоянии осознанно производить свои производственные отношения. Возникла же частная собственность как необходимость на определенном этапе общественного развития, породив при этом разделение труда, классы и эксплуатацию. «До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизма классов. Без антагонизма нет прогресса» [12, с. 96].

Здесь, на наш взгляд, находится узловой момент и рассуждений самого Маркса, и его дискуссии с умеренными социалистами. Если выше мы говорили об отношении разделения труда к техническому совершенствованию его средств, то теперь необходимо соотнести разделение труда и частную собственность. Для Маркса частная собственность первична по отношению к разделению труда. Попытку поставить разделение труда впереди он жестко критикует в «Нищете философии» [12, с. 153], а в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» говорит о том, что разделение труда есть форма частной собственности [12, с. 144]. Таким образом, вырисовывается марксистская схема исторического развития: совершенствование орудий труда – рост производительных сил – прибавочный продукт – частная собственность и классы – разделение труда.

Мы уже говорили о том, что есть эмпирические основания считать техническое совершенствование орудий труда и разделение труда двумя параллельными и относительно самостоятельными путями роста производительных сил общества. Что же касается частной собственности, то следует согласиться с идеологическими противниками Маркса – она есть конкретно историческая форма разделения труда и, как минимум, не первична по отношению к своему содержанию.

Маркс сконцентрировал в себе и переложил на философию, господствующую среди радикальных социалистов того времени, взгляд на частную собственность как на некое «абсолютное зло». Дж. Милль писал по этому поводу в 1831 году: «...их понятия о собственности выглядят безобразно», и указывал на возможные последствия и политическую подоплеку этого явления [16, с. 264]. Считать частную собственность сущностью общественного устройства, на наш взгляд, ошибочно. Собственность (любая, а не только частная) – это не более чем общественный институт, средство разделения труда в процессе экономического развития общества. Никакой цели, ценности, помимо цели и ценности функции этого общественного института, она в себе не содержит. Поэтому ошибкой является попытка наполнения ее неким аксиологическим содержанием как отрицательного, так и положительного порядка. От такого положительного наполнения и понимания частной собственности и рыночных отношений как самоцели уходит сегодня общественная мысль индустриального общества, но это новый этап его – индустриального общества – исторического развития. Для доиндустриальных обществ, напротив, необходимо *подняться* до понимания ценности частной собственности и рынка как общественных институтов. Это нужно именно в контексте проблемы модернизации. В отношении марксизма следует сказать, что провозглашенный им тезис о творческой сущности человека вступает в противоречие с его же социально-экономическим членением этой сущности на феодальную, капиталистическую или социалистическую. Она одна – это труд и как свобода, и как необходимость, независимо от формы собственности, посредством которой он осуществляется. Частная собственность – не более чем исторически сложившийся инструмент реализации этой сущности.

В процессе модернизации, полагаем, собственность выполняет две функции – дифференцирующую и интегрирующую. Она разделяет общество в частных интересах его индивидов и объединяет их в едином производственном процессе. Причем эти две функции нельзя рассматривать с холистических позиций: т.е. так, чтобы в разделении видеть минус, а в объединении – плюс (такой подход и составляет значительную часть реакции традиционного общества на процесс модернизации). Дифференциация является таким же позитивным моментом, как и интеграция. Она дает свободную личность – творца индустриального общества, эффективного не только в силу своей свободы, но и высокого профессионализма. Маркс же берет одну дифференцирующую сторону и, не видя в ней положительного момента, говорит лишь об отрицательном ее следствии – отчуждении. Нам же отчуждение в процессе модернизации представляется неизбежным спутником ее результата – «общества», в понимании Ф. Тенниса, как противопоставленного «общине» [18], или общества с «органической солидарностью» в противопоставлении обществу с «механической солидарностью» Э. Дюркгейма [3]. Отчуждение имеет место в любом обществе на любом этапе общественного развития. Отчуждение в индустриальном обществе отличается от такового в доиндустриальном лишь степенью дистанцированности индивида от общества, но эта дистанцированность есть плата за свободу личности, ее обратная сторона.

Если разделение труда Маркс наотрез отказывается мыслить самостоятельно, то понятие собственности он, напротив, доводит до высшей степени абстракции. Но собственность – это как раз то социальное явление, которое, на наш взгляд, не заслуживает столь высокой степени абстракции.

Прежде всего, во всей истории человечества никогда не было абсолютной собственности. Она всегда:

- во-первых, условна объективно, поскольку невозможно жить в обществе и не зависеть от него вместе со своей собственностью. Независимость же, которую дает сама собственность, всегда условна;

- во-вторых, обусловлена субъективно – само общество «улавливается» по поводу собственности, создает ее в своем социально-экономическом поиске как особое общественное отношение. Собственник в идеале выступает не более чем владельцем, «временным менеджером», несущим перед обществом ответственность за эту часть производительной силы. Конечно, в данном случае нас можно обвинить в идеализации капитализма, но как раз история (к сожалению – не нашей страны) подсказывает, что без такого отношения к собственности невозможно формирование развитого индустриального общества.

Итак, с одной стороны, частная собственность для общества – это формальная, субъективная сторона общественной жизни. Построить здесь какую-либо абстракцию в принципе невозможно, если этот поиск не подчинять политическим убеждениям.

Но с другой стороны, для индивида частная собственность выступает объективной реальностью. Это происходит потому, что собственность всегда носит общественный характер, т.е. служит обществу, выполняет в нем определенную функцию. Именно поэтому она должна быть декларирована как безусловная и, соответственно, неприкосновенная, иначе ее существование будет лишено всякого смысла, а ее дифференцирующе-интегрирующая функция на этапе модернизации будет осуществляться посредством государственного регулирования со всеми известными последствиями.

Следующим шагом к формированию теории классовой борьбы («научного коммунизма») стала идея антагонизма классов. Однако, даже если принять во внимание то обстоятельство, что формы собственности лежат в основе той или иной социально-экономической формации, из этого вовсе не следует и этим не подтверждается факт классового антагонизма. Мы склонны согласиться с марксистским пониманием капитализма как общественно-экономической формации, основанной на частной собственности на средства производства, и в этом виде социально-экономический детерминизм Маркса, структурирующий мировую историю как последовательную смену форм собственности, принимается нами вполне⁴. Но помимо социально-экономического членения мировой истории возможно и необходимо и собственно экономическое и технологическое, и периоды феодализма и капитализма вполне соотносимы с периодами аграрного общества и индустриального. Изменение форм

⁴ Что, конечно же, не означает обязательного принятия т.н. «пятичленной» схемы.

собственности (притом, что всякая форма собственности есть исторически сложившаяся форма разделения труда) представляется содержательной линией всего социально-экономического поиска общества, наряду с развитием товарно-денежных отношений, ростом экономической свободы, изменением форм зависимости и другими процессами. А поскольку из этого не выводим тезис классового антагонизма, то и отождествление понятия «способ производства» с понятием «способ эксплуатации», как это делалось в советский период марксизма, неправомерно.

В течение мировой истории мы видим не столько борьбу классов, сколько их взаимодействие, основанное на все той же собственности. Капитализм представляет собой последнюю и наиболее эффективную, как минимум с экономической точки зрения, форму такого взаимодействия. Разумеется, она имеет свои недостатки, но совершенных форм социально-экономического взаимодействия не существовало никогда, а попытка изучения общества с этой точки зрения означает политическую предвзятость. Поэтому наиболее веским опровержением теории классовой борьбы стал реальный марксистский социализм СССР. Его опыт заставляет переосмыслить идею частной собственности как причины отчуждения, следовательно, идею ее ликвидации как средства освобождения человеческой сущности. Труд в СССР не освободился, он стал еще более несвободным и отчужденным, но теперь уже не частной собственностью и всем комплексом связанных с ней общественных отношений, а самим государством. И дело даже не в том, что на раннем этапе «освобождение труда» происходило посредством переворота, гражданской войны, массовых репрессий и ГУЛАГа, а на позднем – путем уголовной ответственности за тунеядство. Проблема в том, что эти явления фактически означали провал самой идеи освобождения труда.

Частная собственность является закономерным результатом социально-экономического развития общества, и ее ликвидация без эволюционного и объективного создания обществом чего-то нового означает регресс. Это понимал и Маркс, когда говорил, что попытка снять экономическое принуждение приведет к необходимости реанимации форм принуждения внеэкономического. В этой мысли заключена вся социально-политическая история советского государства, в арсенале которого имелись элементы рабовладельческого и феодально-крепостнического уклада.

Философия труда и проблема факторов общественного развития

Происходит это в силу простой причины. Труд, хотя и является предпосылкой возникновения общества, возможен только в обществе. Он социален изначально, исторически, и это означает, что он социально обусловлен, т.е. на него влияет весь комплекс общественных отношений. Труд как такового, труда «вообще» не существует, это абстракция. Реально он может существовать лишь в той или иной системе общественных отношений, которая и обуславливает его на данном этапе истории. Такой обусловленностью труда при капитализме является частная собственность, и Маркс, отменяя ее, фактически отменяет само общество, в данном случае капиталистическое.

Здесь необходимо вернуться к проблеме отчуждения в марксистской интерпретации, т.е. к проблеме отчуждения труда. Поскольку труд социально обусловлен, он и социально отчужден. Отчуждение существует в любом обществе, оно связано с тем, что совокупность общественных отношений выступает для индивида как объективная реальность, вне которой он не может существовать. Даже производя тот или иной продукт независимо, своими собственными орудиями труда, человек втянут в общественные отношения, он не может им не подчиниться, а потому не может абсолютно господствовать над своим продуктом. Последний, будучи так же общественным, т.е. втянутым в общественные отношения, будет всегда частично господствовать над ним независимо от формы собственности и формы общественно-экономических отношений.

Свободный, «человеческий» в марксовом понимании труд – это труд упоминаемого им персонажа Д. Дефо – Робинзона, причем даже не в течение всего времени пребывания его на острове, а только до появления Пятницы. Появившись, Пятница принимает участие в производственном процессе и потреблении, и с этого момента Робинзон уже не может свободно распоряжаться своим продуктом, безраздельно господствовать над ним. Иначе говоря, с появлением Пятницы появляется общество и общественные отношения, которые от-

чуждают их обоих от труда, включая его средства, сам процесс и продукт, даже при коммунистическом принципе его распределения⁵.

Так что же делает Маркс теоретически, а российские большевики – практически, отменяя частную собственность? Они отменяют саму социальность на данном этапе общественного развития, и вполне естественно, что приходит регресс, выраженный в создании синтеза всех элементов (именно элементов, а не рудиментов) предшествующих общественных отношений.

Очевидно, что такая попытка – отменить общество на определенном этапе развития – невозможна даже теоретически. Практически же это удалось большевикам, а при их активной поддержке – китайским коммунистам, только потому, что отменяемые ими общественно-экономические отношения не были господствующими, а лишь находились в стадии становления. Господствующие же – восточно-феодальные или «азиатские» – создавали такой тип общественного сознания, который удачно сочетался с идеей социализма. Здесь же содержится ответ на вопрос, почему не прошла большевизация наиболее развитых регионов Российской империи – Польши и Финляндии, а также революционизация стран Западной и Центральной Европы, хотя большевики приложили к этому немало усилий. Это тем более важно, что в их распоряжении находилась мощная и разветвленная террористическая организация – Коминтерн, а ресурсы огромной страны использовались в качестве материальной базы «мировой революции».

Однако опыт СССР этим не ограничивается. Поскольку освобождение труда оказалось утопией, следует задуматься, насколько правомерно противопоставление труда свободного труду по необходимости.

Обосновывая эту антитезу, Маркс приходит к мысли, которую мы не можем, да собственно, и не хотим опровергать. Это тезис о том, что человек как родовое, свободное и сознательное существо отличается от животного тем, что трудится сознательно и свободно и что его труд не есть необходимость, связанная лишь с удовлетворением жизненных потребностей. Этот тезис сложно опровергнуть, и единственное, что мы можем утверждать здесь наверняка, это то, что он характеризует Маркса гуманистом и в высшей степени оптимистом в его трактовке человека. Не будучи в состоянии оспаривать этот тезис философски, мы все же склонны сомневаться с ним на основе наблюдаемых данных. В труде, полагаем, в равной мере присутствуют как свобода, так и необходимость, и ни то, ни другое нельзя игнорировать.

В истории существовало стремление к освобождению труда всегда. Древним грекам, в частности, удалось создать мощную цивилизацию, а образцы их художественной культуры являются непревзойденными по сей день. Но связано ли это напрямую с тем, что они сумели переложить весь необходимый труд на плечи рабов? Римляне довели эксплуатацию рабов до «классического» уровня, но что создано собственно римским люмпен-пролетариатом, у которого не было необходимости трудиться?

Проблема, на наш взгляд, состоит не в том, способен ли человек трудиться свободно. – Способен, мы в этом уверены. Проблема в том, может ли такой труд составить материальную основу общества. На ответ красноречиво указывает советский опыт. Экономический крах СССР не случайно наступает сразу за периодом его непродолжительной стабилизации и расцвета, когда были наконец реализованы основные «завоевания Октября» в благах «развитого социализма». Стоило только ослабить необходимость к труду, а даже не снять ее полностью, что было возможно только по достижении гипотетического коммунизма, и личная мотивация к труду в советском обществе снизилась до полной экономической стагнации⁶.

---

⁵ Стоит заметить, что Робинзон не был свободен в своем труде и до появления Пятницы. Он находился в жесткой зависимости от своей и окружающей природы. Свободного труда, таким образом, не существует, а отчуждение вечно. Проблема отчуждения есть социальная проекция проблемы свободы и необходимости.

⁶ Падение темпов материального производства при прочих равных условиях можно объяснить только снижением производительности труда, которое, в свою очередь, даже с учетом технологического аспекта, объясняется только снижением трудовой активности. По данным Селюнина и Ханина среднегодовой прирост материального производства в СССР составил: в 1971 – 1975 гг. – 3,2 %, в 1976 – 1980 – 1,0 %, 1981 – 1985 – 0,6 %, в 1986 – 1990 – не обнаруживается вовсе. См.: [9, с. 19].

Итак, у нас нет достаточных фактов, чтобы разделять оптимизм Маркса, и мы вынуждены констатировать, что при возможности выбора «работать» или «не работать», человек выбирает последнее, а значит, необходимость является таким же важным условием труда, как и свобода.

Однако марксизм противоречив, и гуманизм Маркса буквально переплетается с его «антигуманизмом». С одной стороны, Маркс верит в человека, наделяя его способностью трудиться без необходимости, с другой – не верит в него в его классовой несвободе, когда отказывает ему в таких добродетелях, как «долг, честь, совесть, милосердие». О том, что Маркс «растворил индивидуальность в социологии до конца» достаточно говорилось в критической литературе [1, с. 314]. Важнее определить причину, чтобы иметь возможность использовать позитивную часть социальной философии марксизма.

Причина кроется в абсолютизации идеи классовой борьбы, которую можно соотнести с абсолютизацией природного в трактовке человека З. Фрейдом. И Маркс, и Фрейд выявляют важные стороны общественной реальности, но их абсолютизация приводит к упрощенному пониманию общества и человека. Если в первом случае общество делится только на эксплуататоров и эксплуатируемых, то во втором – на самок и самцов, и ничего кроме этих категорий в мире нет. Разумеется, в таких системах нет места перечисленным ценностям, а Маркса можно упрекнуть в том, в чем сам он упрекал современную ему политэкономии. Как для нее не существуют «плут, мошенник, нищий, безработный», так для Маркса не существуют «долг, честь, совесть и милосердие».

Яркому, но противоречивому гуманизму Маркса следует противопоставить более скромный, но менее противоречивый исторически подтвержденный гуманизм. Он заключается в утверждении, что человек способен оставаться человеком даже в условиях классовой несвободы. Трудно представить себе, что огромное материальное и духовное богатство современной цивилизации создано «рабами» и их «животным» трудом (или невротиками, если вспомнить Фрейда). С этим не согласятся миллионы людей, которые трудятся, не задумываясь над тем, кому принадлежат средства их труда и кто, в конечном итоге, распоряжается их прибавочным продуктом. Разумеется, мы не можем упрекнуть в этом Маркса, т.к. у него не было данных, касающихся развития капитализма в конце XIX – XX вв., но это не значит, что мы не можем подвергнуть их анализу посредством методологии марксизма и предположить в конечном итоге, что реализация сущности человека как существа родового как раз в том и заключается, чтобы *оставаться свободным в необходимости*. В отношении труда это означает труд и как свободу, и как необходимость. Такое понимание снимает экономическую проблему отчуждения, следовательно, делает беспочвенной идею классового антагонизма.

Правомерность теоретического отделения теории классовой борьбы от социальной философии марксизма подтверждает история международного рабочего движения. Критика данной части марксизма его теоретиками (речь идет о ревизионизме – Каутский, Бернштейн) начинается довольно рано, еще при жизни Энгельса, что подтверждает тезис об исторической ограниченности эмпирической базы этого учения. В конце XIX в. в капитализме происходят изменения, которые позволяют не ставить в центр теории социализма идею классового антагонизма. Однако стабилизация капитализма в части противоречия «труд – капитал» происходит только в наиболее развитых странах Европы. В странах «второго эшелона» и «восточной периферии», в том числе в «восточных гигантах», никакой стабилизации нет. Здесь противоречие «труд – капитал» накладывается на противоречия распадающегося традиционного общества и восточно-деспотического государства, что собственно и составляет содержание «конфликта модернизации». Поэтому вполне закономерно разделение международного рабочего движения на умеренное социал-демократическое, составляющее его абсолютное большинство и базирующееся на Западе, и революционное коммунистическое – незначительное меньшинство, базирующееся на Востоке, прежде всего, в России. То обстоятельство, что «призрак коммунизма», побродив по Европе, удаляется на Восток и воплощается в маоистской и сталинской «моделях развития», также вполне закономерно.

Из опровержения теории классовой борьбы следует отрицание тезиса о революции как движителе истории. Предвидя возражения со стороны апологетов социализма, добавим к сказанному, что классовая борьба, безусловно, является немаловажным фактором общественного процесса в том смысле, что общество, претерпевая ее, изменяется. Однако полага-

ем, это влияние не является историческим по своему характеру, поскольку оно не в состоянии породить принципиально новых форм, таких, например, как новая (социалистическая) формация. Тот аргумент, что капитализм становился все более гуманным исключительно под влиянием нарастания классовой борьбы в Европе, не выдерживает критики и не подтверждается реальными фактами истории. Наряду с такими аргументами все чаще можно наблюдать и другое: попытку задним числом оправдать социализм и его реальное воплощение – СССР – его благотворным воздействием на динамику западного капитализма (якобы европейская буржуазия, уяснив последствия безудержной эксплуатации, пошла на уступки и улучшила положение пролетариата). Однако гуманизация капитализма в Европе началась задолго до большевистского переворота в России, на что красноречиво указывает история, например, Великобритании. Здесь также возможны возражения: наличие больших доходов английской буржуазии от эксплуатации колоний, о чем постоянно упоминала марксистская историография, рост классовой борьбы в самой Англии в середине XIX века. Однако само Чартистское движение как раз и указывает на то, что классовые противоречия есть, они влияют на развитие общества, но они ни в коей мере не антагонистические, поскольку способствовали не гибели формации, а ее совершенствованию. А раз так, то и классовая борьба, будучи результатом этих противоречий, является не «локомотивом истории», а только одним из факторов исторической динамики, наряду с культурой, менталитетом, геополитикой и проч. Иначе говоря, все это – факторы иного уровня, они только способствуют совершенствованию старой формации, но не являются причиной возникновения новой.

Заключение

Таким образом, правомерность и необходимость теоретического отделения теории классовой борьбы от социальной философии марксизма и возможность применения социально-экономического детерминизма в таком виде считаем вполне обоснованными. Более того, полагаем, что методологический синтез марксизма и концепции модернизации открывает некоторые перспективы для философского осмысления проблемы модернизации. Из данного синтеза следует, что модернизация в ее социально-экономической составляющей – это развитие капитализма как общественно-экономической формации, основанной на частной собственности на средства производства. Его необходимыми атрибутами, а значит, атрибутами модернизации являются экономическая свобода и рыночное регулирование производства и распределения продукта при их обязательном политико-правовом закреплении. Помимо капитализма как социально-экономической составляющей экономической модернизации, в нее входят технологическая модернизация (машинная индустрия и преобладание индустриальной экономики).

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С.Н. Карл Маркс как религиозный тип // С.Н. Булгаков. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – С. 310 – 342.
2. Гринин Л.Е. Производительные силы и исторический процесс. – Волгоград: ФГУП «ИПК Царицын», 2003. – 272 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1990. – 574 с.
4. История Востока: В 6 т. Ин-т востоковедения РАН. – М.: Вост. лит., 1999. – Т. III: Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI – XVIII вв. – 1999. – 696 с.
5. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). – М.: РГГУ, 1999. – 575 с.
6. Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 328 с.
7. Кобылянский В.А. Природа и общество: специфика, единство, взаимодействие. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1985. – 200 с.
8. Ковалев А.Д. Модернизации теории // Современная западная социология: Словарь. – М.: Политиздат, 1990. – С. 193 – 197.

9. Лопатников Л.И. Экономика двоевластия: беседы об истории рыночных реформ в России. – М. – СПб: Норма, 2000. – 304 с.
10. Маркс К. Капитал. Кн. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: ГИПЛ, 1955. – Т. 23.
11. Маркс К. Критика политической экономии (Черновой набросок 1857 – 1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: ГИПЛ, 1955. – Т. 46. – Ч. 1.
12. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: ГИПЛ, 1955. – Т. 4.
13. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ГИПЛ. – Т. 42.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ГИПЛ. – Т. 3.
15. Можейко М.А. Модернизации концепция // Постмодернизм. Энциклопедия.– Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 475 – 478.
16. Рассел Б. История западной философии: В 2-х т. – Т. 2. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1994. – 400 с.
17. Субботина Н.Д. Социальное в естественном. Естественное в социальном. – М.: Прометей, 2001. – 193 с.
18. Теннис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 451 с.
19. Чистозвонов А.Н., Барг М.А. Итоги исторического процесса в Западной Европе XIV – XV веков (сводный очерк материалов) // Проблемы генезиса капитализма. Сб. статей к VII Международному конгрессу экон. истории в Эдинбурге 1978 г. – М.: Наука, 1978. – С. 9 – 12.
20. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: ГИПЛ, 1955. – Т. 20.
21. Borshel F. Industrialisierung und Globalisierung im 20. Jahrhundert: Ursprungliche Akkumulation und Nachholende Modernisierung in den Begriffswelt von Karl Marx – zur Geschichte der Modernisierung im 20. Jahrhundert. – Berlin, Frank Wunsche Verlag, 2005.